

Борис Лукин — поэт, критик и переводчик.
Родился в шестидесятых в Нижнем Новгороде (г. Горький).
Отучившись в МВТУ имени Баумана и Литературном институте
имени А. М. Горького, в бурные девяностые растил детей,
работал сторожем, преподавателем русского и литературы,
продавцом, фирмачом, журналистом в московских
многотиражках. В новом веке редакторствовал в «Российском
писателе» и в отделе литературы «Литературной газеты».

Его произведения постоянно публикуются в российских и зарубежных
периодических изданиях. Стихи из книг «Понятие о прямом
пути» (1995), «Междуречье» (2007), «Долгота времени»
(2008), «LeLь» (2012) переведены на некоторые языки мира.

Автор-составитель Антологии современной литературы России «Наше
время» более знаком читателям своими эпическими произведениями,
характерными для книги гражданской лирики «Поединок»
(2010). Лауреат Большой литературной премии России (2012).

Жизнь с семьей в подмосковной деревне, многочисленные
встречи с читателями, поездки по городам и весям — все это
драматически переосмыслиется лиро-эпическим талантом
поэта. Его стихам присущи необычные фантазмагорийные
сюжеты, яркость метафор и неожиданность сравнений.

ЛЕТОСОВЕРШЕНИЕ

МЕЖА

Грачи, смотри, зачем-то прилетели
в последних числах февраля —
на Масленицу, что ли, в самом деле,
они спешили? Снежные поля
еще вокруг. На долгие недели
река, набухнув, бросит враз петлять.
В ней облака и льдины захотели
бодать друг друга — глупые теля...

Мне видится и слышится равнина,
сбегающая споро под угор.

Капель, журчанье, пенье — заедино
все длят и длят с зимой извечный спор.

В том гомоне свое досталось место
и мне — молчанья паузу держу,
без человека здесь куда как тесно.
Меж мной и миром чувствую межу.

Она весной особенно заметна.
Ее потом затянет зеленыя
сплошной завесой и туманом тлена,
и день не различить тогда от дня.

Зачем межа всем этим тварям Божьим?
Для них ли время выдумал творец?
Я безвременья выбрал бы возможность,
где облака, и льдины, и скворец...

Воплощение

Без снега, скажут, что за Рождество?
И правда... Все века (по-русски — Вечность)
младенчества и снега тождество...
Ударный слог смещен, моя небрежность.

В тех створах вижу всход небес — водой...
И роженица чаёт миг свой млечный.
Нам, человекам, без любви — вредно
жизнь начинать. Будь счастлив, человек!

Я так же был желаем! Вам — поклон!
И мы с тобой мечтаем лишь о том
двоих счастливом воплощенье нашем.

Их — Троица! Нас — двое! Полон мир.
Он весь раскрыт обнявшимся, двоим!
А снег — вода. Он сам мечтал о пашне!

* * *

Ты говоришь, что снег — пушок...
Я говорю: «На мой грешок...» —
мой грех, что в миг тот помню.
Ну а когда метель ревет?
Когда к сугробам ветер гнет?
— К колоколам! И в звоны!

Поразогнать всех прежних лет
тягучую, дурную мреть
и целиной морозной

брести шаг в шаг в монастыре
с душою, что еще во тьме,
к молитве долгой слезной...

До этого еще расти.
Здесь возраст жизни не в чести.
Другие здесь критерии.
И потому живем в миру,
укрывшись почти в дыру,
во деревеньку древнюю.

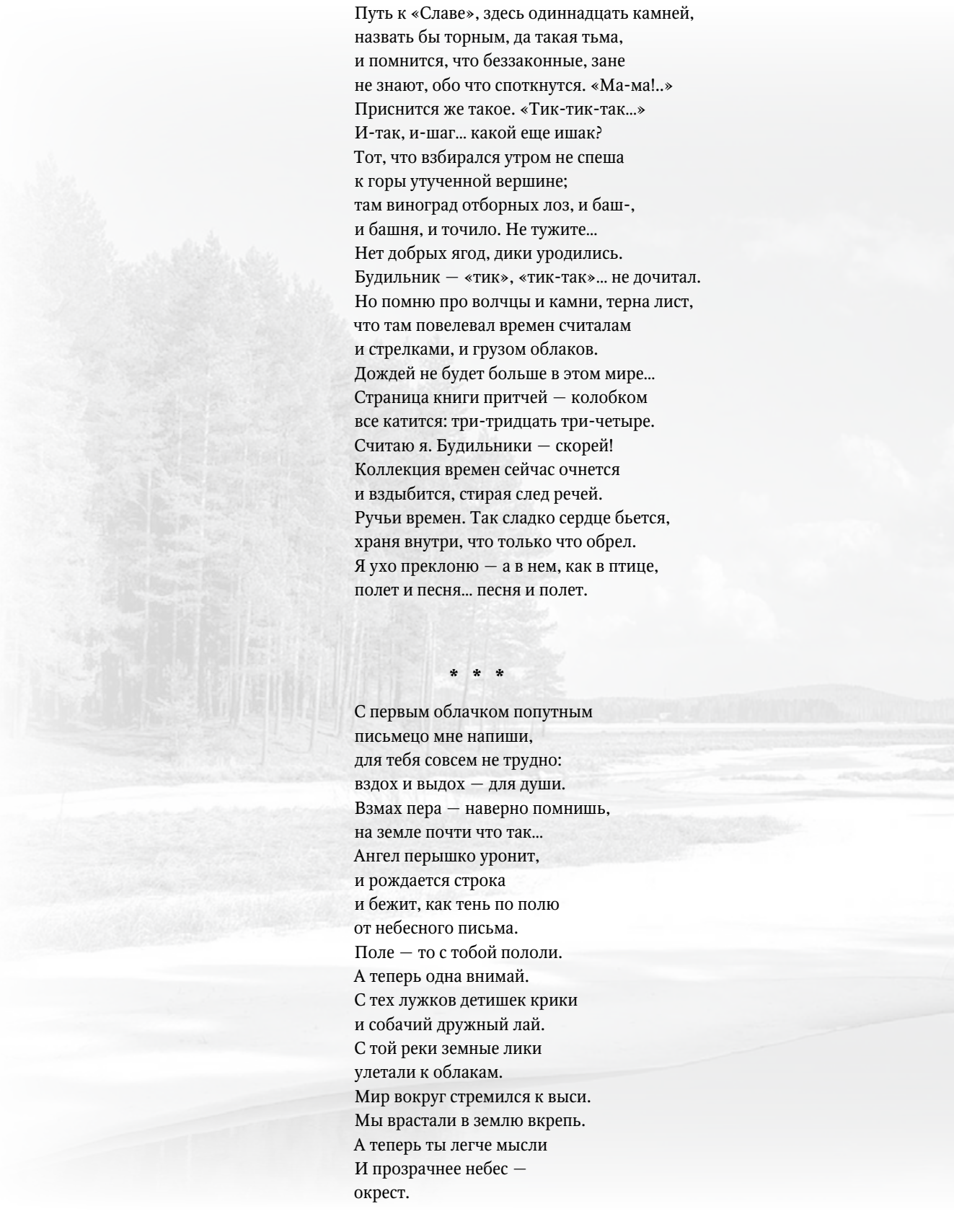
Здесь жили предки лет пятьсот.
Здесь вызывает все восторг,
когда навоз отчистишь.
Вон храм вознесся высоко.
Вон лес уводит далеко.
И эху рад, коль свистнешь!
И пусть весной зовет земля,
и топчешь пахотой поля
не для прокорма даже!
Вот под смородину прикорм.
Вот для теплицы тачек сто.
Мужик... а труд сей тяжек.

Что там поэт благословил?
Вот этот труд? И тишь могил?
Здесь это все осталось!

А жизнь почти ушла отсель.
Уходит жизнь... над ней — метель...
И год от году мало
снежка, который, как пушок,
пойдет... И вспомним свой грешок:
и ты, и я, и малый...

СОН ВРЕМЕНИ

Когда бы монастырь — давно пора молиться...
Коллекция будильников молчит.
Хозяйка спит еще. Чего им снится?
Как стрелочки секундные, ресницы
чуть-чуть дрожат. Страх времени в ночи
нашептывает сказочки на ушко
минутной стрелке. Милая, поспи.
Куда спешить с тобою нам, подружка?
Твое топтанье — шестеренок дрызг
и лопотанье...
Ритм дыханьем сбит.
Коллекция будильников, как сон
о времени, скользящем в циферблатах.



Путь к «Славе», здесь одиннадцать камней,
назвать бы торным, да такая тьма,
и помнится, что незаконные, зане
не знают, обо что споткнутся. «Ма-ма!..»
Приснится же такое. «Тик-тик-так...»
И-так, и-шаг... какой еще ишак?
Тот, что взбирался утром не спеша
к горы утученной вершине;
там виноград отборных лоз, и баш-,
и башня, и точило. Не тужите...
Нет добрых ягод, дики уродились.
Будильник — «тик», «тик-так»... не дочитал.
Но помню про волчцы и камни, терна лист,
что там повелевал времен считалам
и стрелками, и грузом облаков.
Дождей не будет больше в этом мире...
Страница книги притчей — колобком
все катится: три-тридцать три-четыре.
Считаю я. Будильники — скорей!
Коллекция времен сейчас очнется
и вздыбится, стирая след речей.
Ручьи времен. Так сладко сердце бьется,
храня внутри, что только что обрел.
Я ухо преклоню — а в нем, как в птице,
полет и песня... песня и полет.

* * *

С первым облачком попутным
письмецо мне напиши,
для тебя совсем не трудно:
вдох и выдох — для души.
Взмах пера — наверно помнишь,
на земле почти что так...
Ангел перышко уронит,
и рождается строка
и бежит, как тень по полю
от небесного письма.
Поле — то с тобой пололи.
А теперь одна внимай.
С тех лужков детишек крики
и собачий дружный лай.
С той реки земные лики
улетали к облакам.
Мир вокруг стремился к выси.
Мы встали в землю вкрепь.
А теперь ты легче мысли
И прозрачнее небес —
окрест.

* * *

Милая, когда друг другу снимся —
где бываем мы? В каких мирах?
Где вдвоем пытаемся укрыться
мы от тел, притихших до утра?
На постелях?
Может быть, в сердцах?

В звездах ли —
что миг сверкают в небе
промельком?
Узнать в толпе лица
невозможно...
Помним, как о хлебе,
о телах у жизни на кострах.
В вечности пока незванны гости...
Потому нам вновь домой пора.
Не в обнимку же снесут к погосту.
Да и есть запросит детвора...

Мы вернемся через то окошко,
что влюблено пялится в рассвет:
ты вздохнешь глубоко в теле брошенном,
я откликнусь эхом сладким вслед.
И прижмутся — руки перевившие —
странники ночные во страстях,
видно, здесь они пока не лишние:
тела два — души две: не различать...
Рассмеемся, если вспомнить выдастся
про такие странные два сна,
где при жизни души наши видятся...
днесь и дольше б
не расстаться нам.

* * *

У фонаря, как мошкара,
снегов роит испарина,
и ночи высится гора —
на миг всего подарена —
капелью, сбросившейся с крыш,
до самых дрызг, до вмятин
в снегах, до черных рытвин шин,
до звездных в лужах пятен.

А ты одна за сотни верст!
Но что сегодня дали те?
Я телеграфом в тело врос
твое — все-сонно-тайное...

А если там меня найти
тебе судьба не выпадет,
ищи меня тогда в груди —
там стуком сердце выманит!
Иль рассмотри меня в ночи
у фонаря в испарине,
в капели голос различи —
один я в той компании.

Мильоны звуков в небесах
весной творятся каждою,
я тыщу лет пою и сам,
томим любовной жаждою.
Луны глава у фонаря
от первых дней творения,
и в звездный вклиниваю ряд
стихо-семя-творение...

* * *

Я тебя позабуду?
Только когда умру...
Нечем тогда будет
нежно припасть к нутру.
Выйдет, как за ворота
с собакою погулять,
тело мое до срока,
а может, больше спыля.
И что это за погода,
чтоб выдалася напасть
какого-то там года
ко лбу моему припасть.
А тут пора отрицанью
себя самого почтить
и выболтать миру тайну,
известную всем почти:
что бабочки не бывает-
без куколки и цветка,
и если родился Каин,
то с Авелем на века.
То глупая была шутка...
Забить можно лишь себя!
Тут столько секунд в сутках...
Одну не прожить без тебя!

* * *

Потому что скворцы прилетели,
умирать можно нам погодить...
Воскресенье — на этой неделе.
День за днем... все весну оно длит.

Пусть сегодня свободой Пальмиры
он отмечен иль смертью посла...
Есть на полке от древнего Рима
сто историй про то ж... и... осла,
про козлищ... а еще — про Явление:
где-то там, у пустынь на краю,
вечно длится одно Воскресенье.
Плачут там... и зовут... и поют...